

1. Преданный подонком, с которым встречался семь лет

Его любовник Ло Цзысуй собирался жениться, и Шань Ли узнал об этом последним в их кругу.

Вечером накануне свадьбы Шань Ли выпил тёплую воду со снотворным, которую принёс Ло Цзысуй, а когда проснулся на следующий день, было уже девять часов.

В комнате, погружённой в мёртвую тишину и запертой на замок, Ло Цзысуй оставил ему не только записку.

Шань Ли сдвинул брови и развернул записку. Изящный почерк на ней полоснул по глазам, словно острый меч.

— Шань Ли, какими бы безжалостными ни были твои методы и сколь глубокими — козни, тебе никогда не придет в голову, что человек, которого Ло Цзысуй любит по-настоящему, — это я! Неужели ты думал, что Цзысуй и вправду хочет быть с тобой? Если бы не твоя компания за спиной, он бы и взглядом на тебя не соизволил пасть!

Впрочем, говорить об этом уже поздно: сегодня на свадьбе Цзысуй навсегда порвет с тобой всякие отношения!

И твой концерн Дан тоже достанется нам!

...

Шань Ли с первого же взгляда узнал в этом изящном почерке руку Янь Цзэ, помощника Ло Цзыся.

Зрачки Шань Ли сузились, а уголки губ тронула холодная усмешка.

Что может быть более нелепым?

Когда-то Ло Цзысуй уверял, что любит его и дорожит им, но за всё время, что они были вместе, даже не утруждал себя притворством. Это он сам был слишком наивен и тешил себя несбыточными надеждами, полагая, что за семь лет можно растопить даже ледяную глыбу. Но он и представить не мог, что сердце Ло Цзыся окажется твёрже камня.

Тот всё это время вместе с Янь Цзэ строил планы против его состояния!

Если бы Янь Цзэ не захотел намеренно покрасоваться перед ним, он бы до сегодняшнего дня не ведал об их грязной и постыдной связи.

Шань Ли со злости разбил окно, и острая кромка стекла располосовала кожу, источив капельки алой крови.

Опустив взгляд, он мрачно посмотрел на своё запястье, словно пытаясь навечно выжечь в памяти сегодняшнее предательство. Он слизал с кожи кровь, смакуя её вкус, и остановился лишь тогда, когда губы полностью окрасились в багровый. Затем он спустился вниз.

Дорога на машине до места проведения свадьбы заняла пятнадцать минут.

Он просто встал у входа в праздничный зал, не произнося ни слова, но мгновенно приковал к себе взгляды всех присутствующих.

Никто не осмеливался остановить Шань Ли, да и не хотел. Он был слишком яркой фигурой на этом торжестве, чтобы оставаться в стороне. В глазах окружающих он больше не выглядел грозным и властным — скорее, как хрупкая фарфоровая кукла. И пусть его черты по-прежнему поражали резкой, утончённой красотой, бледность лица создавала ощущение, будто он едва дышит.

Кровавый след на его губах уже засох, но когда он изогнул их в улыбке, в этом проступила пронзительная, ошеломляющая красота.

— Я хочу задать лишь один вопрос: неужели все семь лет, что ты был со мной, ты делал это только ради моей компании?

Он хотел услышать лишь этот финальный ответ, чтобы окончательно и бесповоротно вычеркнуть всё из сердца.

Ответ Ло Цзысюя не обманул его ожиданий — впрочем, как и всегда. Возможно, теперь, когда деньги Шань Ли были уже у него в кармане, он уверовал, что Шань Ли больше не способен причинить ему ни малейшего вреда. Поразившись на секунду, Ло Цзысюй позволил себе лишь презрительную усмешку.

Он безжалостно бросил в ответ:

— А ты как думал? Неужели ты всерьёз верил, что я способен полюбить тебя? Такой жестокий и бессердечный человек, как ты, вообще не заслуживает ничьей любви!

Сердце пронзила резкая боль.

Шань Ли резко поднял голову и в упор уставился на Ло Цзысюя:

— Любой другой имеет право говорить мне такое, но только не ты!

Если бы не превратности судьбы, если бы не любимый человек, кто стал бы превращать себя в злобного безумца? Ради Ло Цзысюя он отбросил совесть, став жестоким и безжалостным, а в итоге получил вот такой конец.

На сердце Шань Ли было холодно и безысходно. Он криво усмехнулся:

— Если бы не я, ты до сих пор побирался бы на улице нищим попрошайкой. Ло Цзысюй, я хочу, чтобы ты уяснил одну вещь: всё, что у тебя есть сейчас, дал тебе я, и я точно так же могу это забрать!

Ло Цзысюй откровенно презирал это его высокомерие. Он изначально использовал Шань Ли ради выгоды, а теперь, когда ценность Шань Ли исчерпала себя, он и вовсе расхохотался в лицо:

— Забыл тебе сказать: ты больше не президент концерна Дан, теперь он принадлежит мне. У тебя больше нет рычагов влияния на меня.

Лицо мужчины, получившего желанную добычу, исказилось от омерзительного выражения. Каким бы привлекательным ни была внешность Ло Цзысюя, сейчас он выглядел отвратительно. Шань Ли закрыл глаза:

— Забыл сказать тебе: все мои акции еще несколько дней назад были распроданы, а деньги переданы в благотворительный фонд. Вчерашнее соглашение о передаче акций — недействительный документ.

Шань Ли почти хотелось рассмеяться. Годами творя ради Ло Цзысюя грязные дела, он в итоге заслужил лишь предательство, но стоило ему однажды, в порыве искупить вину, отдать всё своё имущество, как это случайно превратилось в оружие против самого Ло Цзысюя.

Всё на свете предопределено свыше.

Глубоко вздохнув, он поднял взгляд на перекошенное от злости лицо Ло Цзысюя, затем бросил взгляд на покрасневшего от ярости Янь Цзэ и улыбнулся:

— Подлец и собака — живите долго и счастливо.

Шань Ли развернулся и зашагал прочь, но в следующее мгновение грянула катастрофа.

Люстра на потолке зала внезапно сорвалась вниз и рухнула прямо на Шань Ли. Гости вокруг оцепенели від шока, и даже он сам не ожидал, что умрёт столь нелепой смертью.

Когда кровь залила глаза, Шань Ли увидел, как прежде молчавший Янь Цзэ вдруг расплылся в

торжествующей улыбке заговорщика. Губы Янь Цзэ шевельнулись, беззвучно произнеся: «Ты наконец-то умер».

Только тогда Шань Ли всё понял.

Целью Янь Цзэ с самого начала было вовсе не хвастовство — он просто воспользовался моментом, чтобы избавиться от него.

Как же он ненавидел!

В ту секунду, когда дыхание оборвалось, Шань Ли продолжал безумно смотреть в сторону Янь Цзэ, умерев с открытыми глазами.

—

Шань Ли никак не ожидал, что придёт в себя.

Он лежал вовсе не в больнице, а в бесконечном пустом пространстве, лишённом каких-либо границ.

Рядом с ним крутилось странное создание.

Малыш весь был жёлтого цвета, как хризантема, а покрывающие его пушистые волоски напоминали лепестки этого цветка. То место, где у него предполагалось лицо, выглядело на редкость нежным и влажным. Огромные синие глаза лучились влагой, и хотя создание выглядело невероятно милым, выражение его мордашки было до неприличия пошлым.

Если Шань Ли ему не показалось, с уголка рта существа даже свисала крошечная капелька прозрачной слюны.

Шань Ли брезгливо нахмурился и отступил на шаг.

— Чудище-хризантема?

Малыш стыдливо пискнул:

— Ну фу, какая бяка! Я — Система из будущего, посланная сюда специально для того, чтобы помогать Хозяину системы в выполнении заданий. Стоит Хозяину завершить миссии в различных Планах, как ему выпадет шанс переродиться!

— Хорошо, я согласен.

Шань Ли ответил практически без колебаний.

Он жаждал перерождения, он жаждал мести!

Малыш подпрыгнул прямо перед Шань Ли:

— Кстати, я самый милый питомец Хозяина, Система Цзюйхуа Лин. Пожалуйста, выберите миссию для прохождения, которая вам по душе.

Перед Шань Ли возник полупрозрачный экран с несколькими вариантами на выбор. Там были и лёгкие сюжетные ветки, и куда более сложные детективные, но его взгляд упал на самый последний пункт.

— ...Я выбираю это.

Цзюйхуа Лин на мгновение замерла, а затем радостно зазвенел голосок:

— Дзынь! Задание официально активировано. Цель — проучить этого подонка! Генерируется первый случайный План.

Шань Ли закрыл глаза, а уголки его губ тронула холодная ухмылка.

С какой стати подонкам позволено измываться над несчастными героями? Он намерен сам зеркалить эту боль и отыгрываться на подлецах!

2. Замена белого лунного света для жестокого президента-подонка

В баре переливались неоновые огни, а по всему залу грохотали тяжёлые басы диджейского трека. Алкоголь заставлял бесчисленных парней и девушек сходить с ума, сливаясь в диком экстазе, подобно переплетённым змеям.

Именно в такой обстановке Шань Ли и пришёл в себя. Свернувшись калачиком на угловом диване, он смотрел на мир холодным, пронзительным взглядом.

Потоки горячей волны, разливавшиеся по телу, и невыносимый, изнуряющий жар не оставляли сомнений.

Его опоили.

Бары — места самые разношерстные, где публика не брезгует ничем, ни мужчинами, ни женщинами. Стоит потерять контроль над собой из-за подсыпанного зелья, как тебя в любой

момент могут куда-нибудь утащить, и тогда несчастному не миновать участи стать жертвой группового изнасилования.

Шань Ли вовсе не паниковал и начал принимать поступающую в сознание информацию о сюжете.

Оригинальный владелец тела носил то же имя, что и он сам, и был второсортной звёздочкой в шоу-бизнесе. Мир развлечений — та еще грязевая ванна, и если начинающему актёру хочется заполучить хорошие ресурсы, ему непременно приходится чем-то жертвовать, пускаясь в грязные сделки.

В отличие от таких людей, оригинальный владелец тела испытывал отвращение к попыткам строить карьеру через постель. Однако его внешность была настолько ослепительной и яркой, что порой затмевала даже знаменитых актрис, из-за чего он неминуемо привлекал внимание всяких мерзавцев с дурными намерениями.

В этот раз в бар его заманил собственный агент. Напоив алкоголем с подсыпанным наркотиком, тот попросту бросил его в пасть волков. Заметив, что с телом творится что-то неладное, прежний владелец попытался сбежать и прямо под проливным дождем столкнулся с главным подонком этого Плана — Чу Тяньцзэ.

Чу Тяньцзэ был президентом концерна Чу, человеком жестоким и беспринципным. Увидев парня, он тут же силой забрал его к себе, насильно сделав своим, а после пустил в ход всевозможные манипуляции, привязав к себе и лишив возможности уйти.

Любил ли этот подонок Чу Тяньцзэ молчаливого, похожего на деревянную куклу Шань Ли?

Разумеется, нет. У Чу Тяньцзэ была первая любовь — Чэн Чэнь, лицо которого было невероятно похоже на лицо прежнего владельца тела. Чу Тяньцзэ безумно любил Чэн Чэня, но не мог заполучить его, а потому нашёл себе замену, вымещая всю накопившуюся похоть и злобу на прежнем владельце.

Прежний владелец обладал мягким нравом и во всём шёл на компромиссы, что кардинально отличалось от холодного и гордого характера Чэн Чэня. Чу Тяньцзэ заставлял прежнего владельца подражать Чэн Чэню, а стоило тому хоть в чём-то отклониться от образа, как в ход шли кулаки. Из-за этого прежний владелец натерпелся немало мук.

Даже когда Чэн Чэнь прилетел из-за границы и стал постоянно находиться рядом с Чу Тяньцзэ, тот всё равно не отпустил прежнего владельца, продолжая использовать его как инструмент для утоления своих желаний и истязая день и ночь. Мало того, несчастному приходилось ежедневно терпеть полные отвращения взгляды других слуг виллы. Со временем прежний владелец сломался под этим грузом и попытался покончить с собой.

Но паршивый негодяй ещё не наигрался, с чего бы ему позволять такое? Чтобы помешать

прежнему владельцу совершить самоубийство, он повсюду таскал его за собой, намертво привязав к собственной персоне.

Однажды Чу Тяньцзэ взял Чэн Чэня с собой на прогулку, и тут случилось несчастье: неуправляемая машина на полной скорости летела прямо на них. В тот момент Чу Тяньцзэ думал вовсе не о том, как спастись бегством — он рывком вытолкнул прежнего владельца вперед, прикрываясь им, как щитом, от себя и Чэн Чэня.

После аварии Чу Тяньцзэ и Чэн Чэнь остались целы и невредимы, а тело прежнего владельца было изуродовано до неузнаваемости, превратившись в сплошное кровавое месиво.

Радость от чудесного спасения заставила обоих в один голос забыть о том, что их выживание было куплено ценой другой растерзанной человеческой жизни.

Чэн Чэнь никак не ожидал, что Чу Тяньцзэ станет так его защищать. В ту секунду он был тронут до глубины души и застенчиво прижался к груди Чу Тяньцзэ.

— Тяньцзэ, ты такой хороший.

Чу Тяньцзэ вне себя от счастья: наконец-то исполнилось то, о чём он мечтал долгие годы. Не в силах сдержать эмоции, он крепко обнял Чэн Чэня:

— Ради твоей защиты я готов отдать даже собственную жизнь.

Наконец-то они были вместе.

На фоне труп.

Как жалко, что прежний владелец от начала и до конца не жил так, как хотелось ему самому: при жизни он служил для Чу Тяньцзэ отдушиной для выброса страстей, а после смерти его использовали как катализатор, подстегнувший их любовь.

Какая трагедия!

Прочитав всё до конца, Шань Ли тут же скривил губы в насмешливой усмешке.

Ради тебя готов отдать жизнь? Откуда у этого Чу Тяньцзэ вообще наглости хватило произнести такие слова?

Цзюйхуа Лин тоже считал Чу Тяньцзэ до предела бесстыдным, его пухленькое розовое личико выражало крайнее недовольство:

— Этот Чу Тяньцзэ такой мерзавец, Хозяин системы, пожалуйста, обрушь на него всю свою ярость и хорошенько проучи!

Малыш уже вовсю воображал в своей голове самые изощрённые способы мести Чу Тяньцзэ.

В крошечном теле скрывалась поистине колоссальная, недетская жестокость. Шань Ли даже не стал обращать внимания на похотливое выражение лица Цзюйхуа Лина — лекарство в его теле уже почти начало действовать, и если он продолжит терять время, ему будет трудно даже выбраться отсюда. Подняв воротник, чтобы закрыть лицо, Шань Ли затерялся среди толпы безумно танцующих людей и неторопливо вышел из бара.

Действие препарата, подсыпанного менеджером, оказалось поистине мощным: стоило Шань Ли отойти от бара совсем недалеко, как его тело обмякло, щеки покрылись лихорадочным румянцем, а природная холодность обратилась в манящую соблазнительность. Ощувив, как в основании позвоночника разливается истома, а изнутри поднимается тягостное чувство пустоты, он слегка изменился в лице.

Такое состояние было довольно опасным, и Цзюйхуа Лин слегка встревожился:

— Господин Хозяин системы, вы всё еще собираетесь действовать по сюжету?

В глазах Шань Ли мелькнул темный огонек:

— Мм. Причина, по которой Чу Тяньцзэ третировал первоначального владельца тела, заключается главным образом в том, что он его не любил. Раз уж моя задача — заставить Чу Тяньцзэ страдать, я должен добиться того, чтобы он влюбился в меня, а затем мучился от безответной страсти!

Цзюйхуа Лин отозвался:

— Понял! Единственное требование на время выполнения задания — сохранять образ первоначального владельца, то есть оставаться мягким, кротким и в то же время упрямым.

— Понял.

Мгновенно пролетело время.

Душную жару, долго державшуюся в городе С., наконец-то смыл проливной дождь, пришедший в разгар лета.

Помощник приоткрыл окно, и в салон автомобиля мгновенно хлынул свежий воздух.

Заметив боковым зрением, что мрачное выражение лица Чу Тяньцзэ немного смягчилось, помощник наконец выдохнул и сел прямо, глядя вперед.

Помощник едва ли не с первого взгляда заметил силуэт, припаркованный у обочины.

Уличное освещение вокруг было тусклым, и яркие фары машины падали вовсе не на того человека, однако помощник все равно не мог отвести взгляд от фигуры, казалось, потерявшей сознание.

— Президент, там, похоже, кто-то упал без сознания. Нам стоит...

Суровые брови Чу Тяньцзэ сошлись на переносице, рука с документами замерла. Он вовсе не был сердобольным человеком, а потерявший сознание незнакомец и вовсе не имел к нему никакого отношения. Он уже собирался холодно прикрикнуть на помощника за излишнее вмешательство, но, бросив взгляд на этот силуэт, внезапно почувствовал, как его сердце сжалось.

Чэн Чэнь?

Чу Тяньцзэ сжал бумаги в руке, его темные, словно чернила, глаза пристально уставились на эту фигуру.

Нет.

Юноша был одет в белую рубашку, его целиком омывали потоки дождя, а мокрые короткие волосы цвета воронова крыла послушными прядями прилипли к белоснежной, подобной нефриту коже. Глаза были слегка прикрыты, маленькое, размером с ладонь личико пылало неестественным румянцем, а промокшая насквозь рубашка плотно облегла тело. С того места, где сидел Чу Тяньцзэ, можно было даже разглядеть, насколько тонкой была талия юноши.

Горло Чу Тяньцзэ сжалось, дыхание стало тяжелым. Он и так давно испытывал к этому юноше вожделение из-за его невероятного сходства с Чэн Чэнем, а теперь, когда представилась столь прекрасная возможность завладеть им, разве мог он упустить этот шанс?

— Останови машину.

Услышав приказ, помощник припарковал автомобиль у обочины. Он уже собирался помочь юноше забраться внутрь, но заметил, что Чу Тяньцзэ опередил его и сам крепко прижал юношу к груди. Помощник был крайне удивлен: его поражало, какими же чарами обладал этот парень, раз генеральный директор был готов пойти так далеко. Ведя машину, он украдкой то и дело бросал взгляды на заднее сиденье.

Чем сильнее любопытство терзало помощника, тем глубже он погружался в свои мысли, а его поведение не могло ускользнуть от внимания Чу Тяньцзэ. Темные глаза генерального директора мгновенно похолодали, и он предупреждающим, низким голосом бросил:

— Следи за дорогой.

От внезапно хлынувшей от собеседника тяжелой ауры помощник больше не смел отвлекаться.

До него доносились лишь едва слышные прерывистые вздохи и звуки легких поцелуев. На лбу помощника выступил холодный пот, и он надавил на газ, увеличивая скорость.

Всю дорогу царило молчание.

Путь до виллы занял рекордно короткое время.

Все это время Чу Тяньцзэ не выпускал юношу из объятий. Сначала тело парня было ледяным, но постепенно от него стало исходить странное, неестественное тепло. Оно окрасило щеки юноши в ярко-алый цвет, и его тело начало едва заметно извиваться. Чу Тяньцзэ не мог не заметить странного состояния юноши. В его глазах мелькнуло необычное выражение. Ощущение ледяного холода заставило парня вздрогнуть, но при этом он подсознательно прижался ближе к нему, ища спасения в этой прохладе.

Чу Тяньцзэ был в хорошем расположении духа, и на его губах даже промелькнула редкая улыбка.

Добравшись до виллы, Чу Тяньцзэ с необычайным терпением отнес юношу в свою спальню и подготовил для него ванну с теплой водой.

Оказавшись в воде, юноша немного пришел в себя.

Он распахнул глаза, похожие на чернила, и, увидев Чу Тяньцзэ, словно испугался. Его темные очи затуманились, и он робко произнес:

— Господин, благодарю вас за то, что спасли меня.

Спас?

Чу Тяньцзэ это показалось забавным. За все годы, что он провел в деловых кругах, он впервые слышал слова спасение или благодарность. Причина, по которой он вытащил юношу, была проста — он хотел заполучить его себе, полностью подчинить. Раньше он думал, что, чего бы это ни стоило, он удержит парня подле себя силой, но теперь Чу Тяньцзэ внезапно передумал.

Взгляд Чу Тяньцзэ стал еще глубже, а голос прозвучал мягко:

— Пустяки, не стоит благодарности.

Сказав это, он вышел из комнаты.

Шань Ли облегченно вздохнул. Не смея медлить, он на скорую руку принял душ, а затем, чувствуя себя крайне скованно, сел на край кровати. Под проливным дождём он промок до нитки, но это так и не смыло действие наркотика. Не прошло и нескольких минут, как жар накатил с новой силой. Шань Ли прикусил губу, перед глазами всё расплывалось в тумане, и он

бессознательно повалился на кровать, свернувшись калачиком.

Тук-тук-тук.

Внезапный стук в дверь заставил Шань Ли вздрогнуть. С трудом приподнявшись, он изо всех сил прикусил губу, и только боль помогла ему немного прояснить разум.

— Войдите, пожалуйста.

Вошёл Чу Тяньцзэ. Он принёс стакан воды и, заметив покрасневшее лицо Шань Ли, бросил на дно его глаз глубокий, мерцающий взгляд, а затем с наигранной заботой коснулся его щеки:

— Ты выглядишь очень плохо, у тебя жар?

Кожа в месте соприкосновения с прохладными пальцами мгновенно покрылась мурашками, словно от удара током, и Шань Ли чуть не выронил стон. Сдержавшись, он хрипло ответил:

— Нет, я просто очень устал.

Чу Тяньцзэ протянул Шань Ли стакан.

Тот обхватил его обеими руками и принялся жадно пить. Из-за такой спешки тонкая струйка воды побежала по изящному подбородку, скатилась на ключицу и затерялась в вороте одежды.

Чу Тяньцзэ посмотрел, как Шань Ли осушил стакан до дна:

— Похоже, тебе нужно хорошенько отдохнуть.

С этими словами он повернулся, собираясь уйти.

Однако в этот момент его спины коснулось обжигающе горячее тело. Глаза Чу Тяньцзэ потемнели, словно тушь, а уголки губ изогнулись в улыбке.

— Ты в порядке?

Ответа не последовало.

Рыбка наконец клюнула.

Не колеблясь ни секунды, Чу Тяньцзэ толкнул его на кровать и сполна овладел им.

Он совершенно не боялся последовавших бы за этим испуга и сопротивления юноши, ведь в тот стакан с водой он кое-что подмешал. Помимо того, что это добавляло пикантности, парень запомнит лишь то, как сам бросился ему в объятия.

И вместо того, чтобы заставлять юношу бояться и страшиться его впоследствии, было куда лучше создать иллюзию его собственной инициативы, избавив себя в будущем от необходимости прибегать к грязным приёмам.

Ночь сплетений и страсти.

—

Шань Ли проснулся оттого, что его сдавила чья-то рука. Она лежала у него на груди,

непрерывно передавая сквозь обнажённую кожу обжигающее тепло. Тело Шань Ли мгновенно окостенело. Не смея взглянуть на человека рядом, который, казалось, всё ещё крепко спал, он изо всех сил попытался припомнить всё, что произошло вчера.

Вчера его обманом затащили в бар и подсыпали наркотик в напиток. Ему с трудом удалось сбежать, после чего его спас красивый и добрый незнакомец.

Дальнейшие воспоминания уже расплывались в тумане, он помнил лишь то, что бросился к этому благодетелю, а дальше память обрывалась.

<http://bllate.org/book/21501/2203378>